

Андрей Ваганов

ЖАНР, КОТОРЫЙ МЫ ПОТЕРЯЛИ

Очерк истории отечественной
научно-популярной литературы

Библиотека журнала «Экология и жизнь»

Андрей Ваганов

**Жанр, который мы потеряли.
Очерк истории отечественной
научно-популярной литературы**

Журнал «Экология и жизнь»

2012

ББК 76.01

Ваганов А. Г.

Жанр, который мы потеряли. Очерк истории отечественной научно-популярной литературы / А. Г. Ваганов — Журнал «Экология и жизнь», 2012 — (Библиотека журнала «Экология и жизнь»)

ISBN 978-5-904553-06-7

Сегодня трудно поверить, что в разрушенной Первой мировой и гражданской войнами России издание научно-популярной литературы составляло более трети всей книжной продукции – 36 %. Что произошло в начале XX века в России такого, что все более или менее заметные издательские фирмы считали своим долгом выпускать огромное количество научно-популярных серий? Основываясь на богатом архивном и библиографическом материале первой трети XX века, на малодоступных или полузабытых первоисточниках, автор делает попытку реконструировать социальные механизмы становления научно-популярного жанра. Для широкого круга читателей, интересующихся проблемой междисциплинарного знания, историей науки и техники, культурной антропологией. Книга также полезна для студентов, аспирантов и профессорско-преподавательского состава гуманитарных и технических (технологических) университетов, научных работников.

ББК 76.01

ISBN 978-5-904553-06-7

© Ваганов А. Г., 2012

© Журнал «Экология и жизнь», 2012

Содержание

Глава 1. Урна жанру (Для начала)	6
Картина интегрального хаоса	7
«...К пользе и увеселению служащие»	13
Глава 2. Страна победившего научпопа	16
«Сквозь термины – к звездам!»	17
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Андрей Ваганов
Жанр, который мы потеряли.
Очерк истории отечественной
научно-популярной литературы

© Ваганов А.

© Оформление: АНО «Журнал «Экология и жизнь»

Глава 1. Урна жанру (Для начала)

«Популяризация науки равносильна умалению божества».

Высказывание это приписывается некоему итальянскому ученому и принадлежит уже далекому XV веку. Веку, когда только-только обозначился первый абрис того, что лет через двести превратится в науку, как мы ее понимаем сегодня – в экспериментальный прежде всего способ познания окружающего мира.

Картина интегрального хаоса

Самое забавное, что и полтысячи лет спустя острота и даже потенциальная взрывоопасность обозначенной анонимным итальянцем коллизии нисколько не «рассосалась». «Популярные книги никогда научить не могут», – вынес свой приговор в середине XIX века великий Майкл Фарадей. В общем-то, о том же самом с автором этих строк говорил, уже в XXI веке, и выдающийся математик, академик Людвиг Фаддеев: «Фундаментальная наука всегда элитарна».

Итак, наука как максимум – «божество», как минимум – «элитарна». Все верно, кажется. И тем не менее...

В середине восьмидесятых годов прошлого века каждая двадцатая книга, издававшаяся в Советском Союзе, проходила по жанру научно-популярных. Тираж журнала «Наука и жизнь» превышал три миллиона экземпляров. Мало того, даже узбекский «клон» этого еженедельника – «Фан ва турмаш» – выходил тиражом в полмиллиона экземпляров!¹

Как будто специально по этому случаю последний из великих древнеримских историков Тацит отчеканил: «Omne ignotum pro magnifico est» («Все неизвестное представляется величественным»). А спустя два тысячелетия Джон Хорган, обозреватель научно-популярного журнала «Scientific American», не без иронии тонко подметил: «Каждый писатель и журналист, пишущий о науке, время от времени сталкивается с людьми, которые искренне не хотят внимания от средств массовой информации, желая, чтобы их оставили в покое и не мешали выполнять свою работу. Ученые часто не понимают, что подобная черта делает их еще более соблазнительными».²

* * *

Итак, мы будем говорить об истории и перспективах популяризации науки. В основном в России. Но не только. О приключениях и злоключениях, о мутациях и «перекоммутациях», о сплетениях и переплетениях научно-популярного жанра в литературе.

Что такое научно-популярная литература – знают все; дать четкое, всех устраивающее, а главное, «работающее» определение этого жанра не может никто.

Жанровые «разборки» одни из самых опасных. Опасных в смысле вполне реальной возможности сгинуть безвозвратно в этой клокочущей информационной бездне. Судите сами.

«Оказалось, что даже на такой простой вопрос, как “что такое жанр?”, затруднительно найти однозначный ответ, – дает сжатое представление состояния проблемы известный лингвист и литературовед Валентина Полухина. – Общеизвестно, что в XX веке идет активная дезинтеграция, декомпозиция, деформация всех жанров. Жанры на наших глазах теряют свое жанровое содержание, а их грани размываются. А между тем до недавнего времени, по словам Нортропа Фрая, “критическая теория жанров легко обнаруживается на том же месте, где ее оставил Аристотель”. <...> Методика поиска универсалий, да, по-видимому, и само состояние современной литературы заставили французских теоретиков отказаться от греко-римской триады (эпос, драма, лирика). <...> Любой жанр, по Тодорову, представляет собой трансформацию других жанров средствами инверсии, смещения, комбинации, любой жанр может стать моделью для трансформации. Если для Тодорова жанр не что иное, как кодификация дискурса, то

¹ Слово о науке: Афоризмы. Изречения. Литературные цитаты. Кн. вторая/ Сост., автор предисл. и введений к главам Е. С. Лихтенштейн. Изд. 2-е, исправл. и доп. – М.: Знание, 1986. С. 11.

² Хорган Дж. Конец науки: Взгляд на ограниченность знания на закате Века Науки/ Пер. с англ. М. Жуковой. – СПб.: Амфора, 2001. С. 109.

для Женетта – это слияние культурных и социологических факторов <...>. Оба подчеркивают онтологическую преемственность жанров, обеспечивающую их постоянство».³

Другой отечественный литературовед, Иван Кузьмичев, солидарен со своей коллегой: «...жанровая теория и критика в ее нынешнем состоянии на многие кардинальные вопросы дает прямо противоположные ответы, и читателю самому придется решать, где находится истина... Многочисленные попытки теоретиков Запада создать жанровую систематику, по словам польского профессора Стефании Скварчинской, “образуют картину интегрального хаоса в этой области”».⁴

«Типология – это та область лингвистики текста, в которой на сегодняшний день не существует однозначной общепринятой точки зрения на основания выделения отдельных типов/классов текста, т. е. отнесения текстов к тому или иному таксономическому разряду», – подчеркивает доктор филологических наук Валерия Чернявская.⁵

Мало того, существует даже точка зрения, что «жанры как таковые сошли со сцены современной литературы, а вместе с тем стала ненужной, излишней и жанровая систематика».⁶

Литературные справочники стараются избежать вовлечения в эти драматические коллизии. Их определения насколько безукоризненны, настолько же и бессодержательны: «Жанр (от фр. *genre* – род, вид) – это устойчивая разновидность одного из литературных родов – эпоса, лирики, драмы, – исторически повторяющийся тип единства художественного содержания и формы».⁷

Этот дайджест, напоминающий местами мартиролог, можно было бы продолжать довольно долго. Специальная литература по жанровой идентичности и систематике текстов, повторяю, практически неисчерпаема. Но даже на этом фоне попытки определить жанры (виды, внутривидовые формы) так называемой научно-популярной литературы напоминают охоту за приведениями.

* * *

«Жанры научно-популярной литературы пока еще недостаточно изучены и неполно описаны», – подчеркивает известная украинская исследовательница Г.Н. Шведова-Водка.⁸ И тут же пытается залатать эту «брешь»(см. табл. 1.1).

За основу этой классификации взят функционально-стилистический метод: выявляются формы существования текста, определяемые социокультурными потребностями человека. «Конкретная разновидность текстовых произведений, объединенных общей целеустановкой, сходными композиционными формами и тематической одноплановостью, называется при этом жанром. Выделяются соответственно жанры (жанры речи), монография, статья, доклад, реферат, резюме и др.», – так определяет подобный принцип систематизации и Валерия Чернявская.⁹

В принципе это такое старое, проверенное, безобидное и безотказное плацебо – определить научный жанр просто через материализованную форму «упаковки» текста. «К научной литературе относятся собрания сочинений, монографии, тематические сборники,

³ Полухина В. П. Больше самого себя. О Бродском. – Томск: ИД СК-С, 2009. С. 124.

⁴ Кузьмичев И. К. Литературные перекрестки. Типология жанров, их историческая судьба/ Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1983. С. 3, 25–26.

⁵ Чернявская В. Е. Интерпретация научного текста: Учебное пособие. Изд. 5-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. С. 28.

⁶ Кузьмичев И. К. Указ. соч., с. 37.

⁷ Литературный словарь. – М.: ЛУЧ (Литературная учеба), 2007. С. 57.

⁸ Шведова-Водка Г. Н. Общая теория документа и книги: Учебное пособие. – М.: Рыбари; К.: Знания, 2009. С. 376–379.

⁹ Чернявская В. Е. Указ. соч., с. 30.

«Труды», «Ученые записки», «Краткие сообщения» и другие продолжающиеся издания, журналы, периодические издания, научно-справочная, справочно-энциклопедическая литература, научно-техническая информация (библиографическое описание, аннотация, реферат, экспресс-информация, информационный обзор, отчет и пр.), производственно-техническая литература и т. д.»¹⁰.

Таблица 1.1. Характеристика жанров научно-популярной литературы

Жанр	Предмет изложения материала	Цель как авторский мотив создания документа	Конкретная социальная функция документа
Заметка (научно-популярное сообщение)	Короткое сообщение о научно-техническом достижении	Оперативное информирование читателей-неспециалистов о достижениях науки	Популяризация достижений науки, техники, производства, их истории
Научно-популярная статья	Сжатое описание научно-популярным языком новейших достижений в отраслях науки, техники и производства	Популяризация современных научно-технических достижений для ознакомления с ними неспециалистов	Популяризация современных научно-технических достижений для ознакомления с ними неспециалистов
Научно-художественный рассказ	Сжатое описание научно-популярным и художественным языком известных фактов из истории и современного состояния науки	Популяризация научных знаний, ознакомление с ними малоподготовленных читателей, детей	Популяризация научных знаний, ознакомление с ними широкого круга читателей
Научно-популярная монография	Всесторонне изложение научно-популярным языком результатов исследования научной проблемы	Популяризация современных научно-технических достижений для ознакомления с ними неспециалистов	Популяризация достижений науки, техники, производства, их истории

Жанр	Предмет изложения материала	Цель как авторский мотив создания документа	Конкретная социальная функция документа
Научно-популярный справочник	Сжатое изложение в порядке, удобном для поиска и ориентирования, сведений о развитии науки и ее достижениях	Популяризация среди неспециалистов сведений по истории науки, техники, производства, искусства, о современных научно-технических достижениях	Популяризация достижений науки, техники, производства, искусства, их истории
Научно-популярный очерк	Описание научно-популярным языком отдельных периодов истории науки, техники производства, культуры или информации о современных достижениях в отраслях науки, техники, производства, культуры и т. п.; описание отдельных исследований или деятельности научных учреждений, предприятий, заведений культуры и т. д.	Популяризация среди неспециалистов сведений из истории науки, техники, производства, культуры и т. д.	Популяризация достижений науки, техники, производства, искусства, их истории

¹⁰ Сенкевич М. П. Литературное редактирование научных произведений. – М.: Высшая школа, 1970. С. 28.

Научно-популярная энциклопедия	Популярное изложение в систематизированном виде основных сведений по одной или всем отраслям знания и практической деятельности, рассчитанное на читателей-неспециалистов	Ориентация неспециалистов в достижениях науки и культуры	Ориентация неспециалистов в достижениях науки и культуры
Научно-популярный энциклопедический словарь	Научно-популярная энциклопедия, содержащая статьи небольшого объема, изложенные в сжатой форме и расположенные по алфавиту их названий	Ориентация неспециалистов в достижениях науки и культуры	Ориентация неспециалистов в достижениях науки и культуры
Научно-популярное (рекомендательное) библиографическое пособие	Рекомендация читателю-неспециалисту лучших, доступных по изложению материала произведений по определенной теме или отрасли знания	Ориентация неспециалистов в достижениях науки и культуры	Ориентация неспециалистов в достижениях науки и культуры
Практические (полезные) советы для неспециалистов	См. «Жанры производственной литературы»	–	–
Памятка	См. «Жанры производственной литературы»	–	–

Особенно меня вдохновляют и интригуют эти замечательные «и пр.», «и т. д.». Впрочем, не меня одного.

Профессор Чернявская предлагает, например, при разговоре о типологии научных текстов отказаться от самого понятия «жанр», а использовать понятие «тип текста». Соответственно типы научных текстов, согласно Чернявской, представлены в следующем наборе:

академические (научно-теоретические), «реализующие собственно исследовательские цели и вербализирующие новое научное знание»;

научно-информационные;

научно-критические;

научно-популярные, «создаваемые с целью массового распространения, популяризации определенных научных сведений»;

научно-учебные, «связанные с дидактическими целеустановками, т. е. создаваемые специально для учебных целей...»¹¹.

Вроде бы нашли, откуда ноги растут у научно-популярной литературы! Но вот Майя Петровна Сенкевич категорически настаивает: «Не относится к собственно научному стилю научно-популярная и научно-фантастическая литература. В этих видах литературы используются элементы и научного, и разговорного, и публицистического стилей, а также стиля художественной литературы».¹²

Предельно широкое жанровое определение научно-популярной книге дает советский библиограф А.Я. Черняк. У него научно-популярная книга – это: «1) книги познавательного характера; 2) пособия в помощь техническому любительству».¹³ Правда, непонятно, в какую категорию в таком случае отнести пособия по изготовлению скворечников? Но тем не менее Арон Яковлевич Черняк, известный советский специалист в области истории технической книги, во многом прав: огромный пласт научно-популярной литературы – это фактически разновидность технической литературы.

¹¹ Чернявская В. Е. Указ. соч., с. 38–39.

¹² Сенкевич М. П. Указ. соч., с. 28.

¹³ Черняк А. Я. История технической книги. – М.: Книга, 1981. С. 23.

В общем, это достаточно увлекательная забава – конструирование жанров. Этим может заняться любой желающий. Надо только представить разумную аргументацию принципов такого конструирования. Недаром попытка составить полную и абсолютную систему классификации чего бы то ни было – мечта многих известных и еще большего числа безвестных ученых-систематиков. Аристотель, Линней, Ньютон, Дарвин, Маркс, Менделеев, Любищев... Систематика – это осто́в науки.

Кстати, возможно, у блестящего шведского натуралиста Карла Линнея мы нащупываем хотя бы подходы к определению – что такое род (в сочинениях Линнея *род* и *вид* – понятия фактически синонимичные). «Не признак составляет род, а наоборот, – пишет швед. – Признак вытекает из рода, а не род из признака. Признак необходим не для того чтобы создать род, а для того чтобы распознать его... Признак – слуга, а не господин!»¹⁴

Другими словами, Линней призывает подыскивать признаки, соответствующие уже реально существующему естественному порядку. В нашем случае – реально существующему корпусу текстов, которые любой из нас почти безошибочно отнесет к научно-популярным. Но вот почему изначально мы относим те или иные тексты к этому жанру, почему возникает ощущение этого «естественного порядка» – объяснить можно с трудом. Мы так чувствуем! Ведь жанр (опять используя биологическую терминологию) по существу – это волевым усилием сформированный нами ценз текстов из некоего трансцендентного, «несчетного» принципиально множества текстов. Иначе говоря, жанр – это тяготение к образцам.

Если применить эту методологию к тому, чтобы попытаться хотя бы приблизительно «пальпировать» тело научно-популярного жанра, то в этот ценз попадут не только произведения, «создаваемые с целью массового распространения, популяризации определенных научных сведений», но и научная фантастика (*science fiction*), например. Мало того, даже создаваемые изначально как научные, некоторые тексты неизбежно «мутируют» в научно-популярные. Вот хотя бы такая запись о классическом, легендарном, даже лабораторном эксперименте:

«Гальвани готовил для своей жены, в то время больной, бульон из лягушек; он их почистил и положил случайно на изолятор недалеко от электрода электрической машины. Один из племянников, работавших у него, нечаянно прикоснулся концом скальпеля к внутренним бедренным нервам одного из животных; тут же мышцы органа сократились в сильной конвульсии. Жена Гальвани, присутствовавшая при этом явлении, была уверена, что оно совпало с электрическим разрядом...»¹⁵ Какое же это описание научного эксперимента?! Это тема для научно-фантастического романа.

Как бы там ни было, но мне понадобится, хотя бы для начала, некое рабочее определение параметров научно-популярного жанра. Можно было бы, кстати, воспользоваться Межгосударственным стандартом ГОСТ 7.60-2003 «Издания. Основные виды. Термины и определения». Пункт 3.2.4.1.3 этого документа так и называется: «Научно-популярное издание». Читаем, что же это такое: «Издание, содержащее сведения о теоретических и (или) экспериментальных исследованиях в области науки, культуры и техники, изложенные в форме, доступной читателю-неспециалисту». А пункт 3.2.5.2.4 уточняет, что такое научно-популярный журнал: «Журнал, содержащий статьи и материалы об основах наук, о теоретических и (или) экспериментальных исследованиях в области науки, культуры и практической деятельности, служащий распространению знаний и самообразованию. *Примечание.* Выпускаются научно-популярные журналы для детей».¹⁶

¹⁴ Станков С. С. Жизненный путь и труды Карла Линнея// Сб. Карл Линней. (К 250-летию со дня рождения.) 1707–1957. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. С. 7–77.

¹⁵ Точное и краткое изложение оснований гальванизма (Париж, 1803). Цит. по: Витковски Никола. Сентиментальная история науки/ Пер. с фр. Д. Баюка. – М.: Колибри, 2007. С. 155.

¹⁶ Основные стандарты по издательскому делу: Сб./ Сост. А. А. Джиги, С. Ю. Калинин. – М.: ИД «Университетская книга», 2009. С. 117, 131.

То, что надо! По ходу дела придется дополнить и развернуть эти определения. Нормальный итерационный процесс. Но для старта этих определений вполне достаточно. Я позволю себе только в дальнейшем использовать чуть-чуть менее строгое видовое название научно-популярной литературы – *научпоп*.

«...К пользе и увеселению служащие»

Прежде чем вкратце остановиться на предыстории жанра научно-популярной литературы в России, необходимо, по-видимому, пояснить, а в чем, собственно, прикладной интерес разбираться в закономерностях развития какого-то там научпопа? Это важно для дальнейшего понимания логики работы.

Подбирая материалы к этой книге, я натолкнулся на такой несколько неожиданный для меня факт. В первой четверти XVIII века в России выпускалось беспрецедентно много технической литературы. В общем объеме книжной продукции ее доля достигала 23 % (если учитывать только книги гражданской печати).¹⁷ Таких показателей никогда больше в дореволюционной России не было достигнуто. И здесь нельзя не согласиться с Ароном Черняком: «Одна из закономерностей развития технической книги – соответствие тематики и содержания книг уровню развития науки и техники, общественным потребностям».¹⁸

Но если по отношению к технической книге такая зависимость вполне очевидна (промышленное развитие тянет за собой и развитие спроса и предложения технической литературы), то в отношении научпопа в общественном сознании явно существует мифологизированная картина. Почему-то в обществе существует уверенность, что увеличение тиражей научпопа, расширение его репертуара якобы положительно влияет и на развитие научно-технической сферы, на увеличение престижа науки в этом самом обществе. Оно, общество, как будто само себя гипнотизирует подобными заклинаниями. Но это именно аберрация общественного сознания. Не более того. Весь дальнейший анализ покажет это вполне четко.

* * *

Итак, до середины XIX века научно-популярной литературы на русском языке и не было вовсе. Впрочем, в XVIII веке можно отметить несколько попыток издавать журналы, которые, по сегодняшним меркам, можно было бы отнести к научно-популярным. Так, Петербургская академия наук с 1728 по 1742 год выпускала «Месячные исторические, генеалогические и географические примечания в ведомостях». Несмотря на, казалось бы, гуманитарный акцент журнала, в нем печатались, например, и такие статьи: «О металлургии или рудокопной науке», «О нефти», «О зрительных трубах», «О барометре», «О манометре»... В общем, «для своего времени “Примечания” были превосходным научно-популярным журналом», – уверен А.Я. Черняк.¹⁹ Однако издание это было рассчитано на узкий круг читателей, прежде всего на самих академиков, и не предназначалось для широкой публики.

И все-таки первым полноценным русским научно-популярным журналом считается «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие», который издавался Академией наук в Санкт-Петербурге с 1755 по 1764 год. Он не просто стал научно-популярным де-факто; он и задумывался именно как научно-популярный. Девиз журнала на заставке титульного листа был краток и однозначен: «Для всех». Главным редактором был академик Георг-Фридрих Миллер. Название журнала менялось дважды: с 1758 года он назывался «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие», в 1763–1764 годах – «Ежемесячные сочинения и известия об ученых делах».

В редакционной статье первого номера «Ежемесячных сочинений...» («Предуведомление») подчеркивалось: «...мы себе точных пределов не предписываем, но надлежит, смотря по

¹⁷ Черняк А. Я. Указ. соч., с. 46.

¹⁸ Черняк А. Я. Указ. соч., с. 280.

¹⁹ Черняк А. Я. Указ. соч., с. 55.

различию читателей, всегда переменять материи, дабы всякой, по своей склонности и охоте, мог чем-нибудь пользоваться. И так предлагаемы будут здесь всякие сочинения, какие только обществу полезны быть могут, а именно: не одни только рассуждения о собственно так называемых Науках, но и такие, которые в экономии, в купечестве, в рудокопных делах, в мануфактуре, в механических рукоделях, в архитектуре... и в прочих, какое ни есть новое изобретение показывают, или к поправлению чего-нибудь повод подать могут»²⁰ (орфография и пунктуация оригинала. – А.В.). Произведения, «кои ради глубокого их смысла не всем ясны и вразумительны бывают», в журнал не включаются.

Это уже действительно научпоп в чистом виде. Подтверждает сказанное и тематика журнала. В нем печатались оригинальные и переводные статьи по вопросам техники, экономики, географии, этнографии, физики, химии, астрономии. Причем, как отмечают М. Винокур и Н. Старобинская, «удельный вес литературно-художественных произведений очень невелик».

Эти же авторы отмечают и еще одну важную для нашего дальнейшего рассмотрения деталь: «Наша отечественная литература была в те времена настолько в младенческом состоянии, что, для того чтобы приохотить русскую публику к чтению и заполнить журнал интересным и значительными материалом, приходилось широко использовать иностранную научную и научно-популярную литературу».²¹

Опять же не случайно, что в первом номере «Ежемесячных сочинений...» за 1755 год был помещен список иностранных научно-популярных журналов, послуживших образцом для него – «иностранные журналы равного с нашим намерения». В него попали французские, английские, немецкие, итальянские и датские издания. Больше всего немецких.

«Ежемесячные сочинения...» издавались первые два года своего существования тиражом в 2000 экземпляров. С 1758 года тираж был сокращен до 1250 экземпляров. С годами журнал завоевал популярность, спрос на него возрос настолько, что пришлось выпустить второе издание комплекта журнала за 1758–1762 годы. Всего было выпущено 120 номеров журнала. Известный библиограф XIX века Евгений Болховитинов писал в «Словаре российских писателей» о том, что «вся Россия с жадностью и удовольствием читала сей первый ежемесячник». Закрыт журнал был по непонятным до сих пор причинам.

В 1779–1781 годах выходил на русском языке еще один журнал, который с некоторыми оговорками можно было бы отнести к жанру научно-популярной периодики – «Академические известия». На титуле первого номера, изданного в 1779 году, значилось: «Академические известия, содержащие в себе историю наук и новейших открытий оных. Извлечения из деяний славных академий в Европе, новые изобретения, опыты в естественной истории, химии, физике, механике и в относящихся к оным художествам. Отличнейшие произведения в письменах во всей Европе. Академические задачи. Любопытные и странные тяжбы и прочие примечательные происшествия».

Редакция оповещала своих читателей, что будет печатать «показания самых новейших трудов разных обществ и академий. Под заглавием сим приложено будет в каждой месячной части журнала сего по одной статье о самых новейших изысканиях и открытиях разных академий и других славнейших ученых обществ». Но репертуар этого издания был все же существенно беднее, чем в «Ежемесячных сочинениях...». Статьи по рудокопному делу, металлургии, металлообработке, химической технологии, общие рассуждения о пользе познания... Одним словом – тяжелая промышленность.

Под самый занавес XVIII столетия (1786–1796 годы) была предпринята еще одна попытка издавать академический научно-популярный журнал. Он получил название «Новые

²⁰ Цит. по: Винокур М., Старобинская Н. Первый русский научно-популярный журнал/ Техническая книга, № 11–12, 1939. С. 140.

²¹ Цит. по: Винокур М., Старобинская Н. Первый русский научно-популярный журнал/ Техническая книга, № 11–12, 1939. С. 141.

ежемесячные сочинения». К делу подошли серьезно, редакторами журнала были академики С.Я. Румовский, Н.Я. Озерецковский, А.П. Протасов. Издательская программа журнала предусматривала «описания разных художеств, ремесел, рукоделий и промыслов... вообще все рассуждения, какие только к приращению человеческих знаний способствовать могут». Потенциальная аудитория также мыслилась очень широко: журнал стремился печатать статьи, «которые бы для всякого рода читателей были понятны».

Но, как бы там ни было, погоды на рынке научпопа и этот журнал не сделал. Да, собственно, и рынка-то научно-популярной литературы и периодики никакого не было.

Глава 2. Страна победившего научпопа

Роясь однажды в одном из московских букинистических развалов среди, как ее называют библиофилы, «лапши» (используется и другой, не менее образный термин – *брошюрятина*), мне в руки буквально вывалилась средней потрепанности книжка в мягкой обложке: «Печать в РСФСР в 1922 г.» На странице 34 этого, прямо скажем, «жиденького» (70 страничек) статистического сборника уменьшенного формата были приведены данные Российской центральной книжной палаты о распределении книг по типам в 1922 году (табл. 2.1).

Поразило вот что. В процентном соотношении научно-популярные книги идут на четвертом месте, совсем немного отставая от второго и третьего и заметно опережая даже политическую литературу. Мало того, научные издания – на втором месте. А если суммировать научную, научно-популярную, учебную и справочную литературу, изданную в 1922 году в РСФСР, то этот показатель составит 36 %!

«Сквозь термины – к звездам!»

Итак, больше трети издаваемой книжной продукции – научпоп (или, если применить более общую библиографическую классификацию, – научно-техническая книга). И это как раз в то время, про которое академик, директор Государственного института по изучению мозга В.М. Бехтерев свидетельствует: «Многие ученые, как известно, бежали за границу. И мне, конечно, представлялись разные возможности переезда за границу; но я ничуть не завидовал тем, которые предпочли за границу своему дому, хотя должен сказать, что мне вместе с семьей приходилось в голодные годы питаться нередко лишь овсом и ржавой селедкой или воблой. Однако другим приходилось в это время еще хуже, ибо, как известно, вымирали от голода даже целые больницы и гибли от голода неисчислимое количество рабочих и крестьян. Нам же помогал Дом ученых, организованный по инициативе В.И. Ленина и М. Горького». ²²

Таблица 2.1. Распределение книг по типам (1922 г.)

	Количество томов	%*
Ведомственные	3179	40,6
Научные	1055	13,4
Художественно-литературные	997	12,7
Научно-популярные	869	11,4**
Политические	666	8,5
Учебные	561	7,1
Справочные	321	4,1
Разные	106	1,4
Детские	86	1,1
Итого	7843***	

* Сумма составляет 100,3 %, что, по-видимому, связано с ошибками округления показателей в оригинале.

** В оригинале приведено значение 13,4 %, что очевидно является опечаткой.

*** Так в оригинале, что, по-видимому, тоже является опечаткой; если просуммировать количество выпущенных томов, то показатель составит 7840. (Все примечания мои. – А.В.)

К этому эмоциональному описанию можно добавить и вполне аналитическое. Историк Гюстав Мекке в 1932 году отмечал: «В 1921 году, когда разразился голод, объем сельскохозяйственного производства <в России> составлял менее 60 % довоенного <1914 год>, промышленное производство – всего 20 %. Более того, металлургическая промышленность составляла

²² Бехтерев В. М. Автобиография. М.: Акц. изд. о-во «Огонек», 1928. С. 43.

2 % довоенного уровня».²³ Чтобы было понятно, что это означало «на практике»: все косы, использовавшиеся русскими крестьянами, поставлялись в Россию из Австрии.

Возьмем во внимание и еще один существенный факт. Как раз в начале – середине 1920-х годов даже среди рабочих столичных заводов 60 % вообще не читали книг, из остальных 40 % большинство «брали в руки» политическую литературу. Более двух третей рабочих Советской России не имели дома ни одной книги.²⁴

Кому и зачем в этих условиях могла понадобиться научно-популярная литература? Ситуация выглядит сюрреалистически. Особенно если принять во внимание еще и «плохую генетику» этого жанра в России.

«В этом отношении цифры, приводимые ниже, получают особый интерес, – подчеркивал выдающийся русский книговед Николай Александрович Рубакин в 1895 году в своем статистическом и социологическом исследовании «Этюды о русской читающей публике». – Возьмем сначала три главные категории книг: журналы, беллетристику и научный отдел. Разношерстный люд, пользующийся книгами из парижских муниципальных библиотек, распределяет свое внимание между этими последними двумя отделами чрезвычайно равномерно. Так, в 1888–1891 годах беллетристических произведений было взято из этих библиотек почти такой же процент, как и научных. Это отношение держится из года в год, поражая русского исследователя <...>. Что касается до научно-популярных книг по естествознанию, то спрос на них <в России> вообще невелик, как потому, что мало существует таких книг, так и потому, что в курсе средних и низших учебных заведений эти науки заняли одно из последних мест, а то и исключены из курса».²⁵

Подчеркну еще раз, опубликовано это в 1895 году, а как будто про нас с вами сегодняшних... Впрочем, к аналогиям с современностью мы еще вернемся. А пока небезынтересно будет проследить за родовыми муками становления в России самого названия жанра.

* * *

У того же Рубакина в «Этюдах о русской читающей публике» находим: «Толпе, вкусившей немного от древа науки и желающей продолжить свое самообразование, желающей читать научно-популярные книги, не из чего выбирать и нечего читать. Этим и объясняется явление, наблюдаемое во всех библиотеках, что на научно-популярную литературу 60-х гг. <1860-х годов> до сего времени запрос имеется. «Ботанические беседы» Ауэрсвальда и Россмесслера продаются по удвоенной цене, некоторые сочинения Уоллеса, Тиндаля, Фогта тоже... Словом, научный книжный багаж, отправляемый ежегодно в культурную публику, не удовлетворяет потребностей целого класса людей <...> Только немногие издатели, как, например, Ф.Ф. Павленков, направили свою деятельность на издание научно-популярных книг, доступных культурной массе, и в этом его положительная и огромная заслуга».²⁶

Как видим, первые книги научно-популярного жанра в России – переводные издания. Во второй четверти XIX века, как отмечает Арон Черняк, сложился даже особый тип популяризатора-компилятора, «использовавшего готовый материал из иностранных журналов или сводных обзоров».²⁷ Черняк называет фамилию М.С. Хотинского. Этому автору принадлежала,

²³ Мекке Г. По поводу пятилетнего плана// *Анналы экономической и социальной истории. Избранное/ Пер. с фр.* – М.: Изд. дом «Территория будущего», 2007. (Сер. «Университетская библиотека Александра Погорельского».) С. 123.

²⁴ Постников С. П., Фельдман М. А. Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900–1941 гг. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. (Сер. «Экономическая история. Документы, исследования, переводы».) С. 18.

²⁵ Рубакин Н. А. Избранное. В двух т. Т. 1. – М.: Книга, 1975. С. 82–84.

²⁶ Рубакин Н. А. Избранное. В двух т. Т. 1. – М.: Книга, 1975. С. 47.

²⁷ Черняк А. Я. История технической книги. – М.: Книга, 1981. С. 82.

например, книга «История паровых машин, пароходов и паровозов». Характерно, что в ней не упомянуто вообще ни одно из изобретений российских ученых, инженеров и техников.

По данным все того же незаменимого рубакинского исследования, до 85 % научно-популярных книг на русском языке в конце XIX века были переводными.²⁸ Возможно, именно это обстоятельство – новизна непривычного для русского глаза и уха вида литературы – и определило тот факт, что само название жанра долго не могло оформиться, «устаканиться».

1883 год отмечен выходом двух выпусков «Трудов студенческого научно-популярного общества при Санкт-Петербургском университете».

1885 год: наступает эра научно-популярных книжных серий. Первая из них – «Научно-популярная библиотека», издававшаяся в Москве. Открывала серию книга Н.Н. Маракуева «Ньютон, его жизнь и труды»²⁹ – очень грамотно составленное и структурированное издание компилятивного характера. В «Объяснении по поводу издания “Научно-популярной библиотеки”», предваряющем эту книгу, издатели так формулировали задачи новой серии: «Ея цель расширять мыслительные горизонты читателя при помощи многостороннего знакомства с природой существующаго и дисциплинировать ум. Следовательно, «Научно-популярная библиотека», понимаемая таким образом, не может рассчитывать на быстрый и легкий прием среди читателей, для которых она назначена. *Здесь, следовательно, по преимуществу требуется содействие интеллигентных людей, дабы рекомендовать книжку читателю, растолковать значение ея, поселить желание ознакомиться с ней и возбудить решимость усвоить ея материал.* Итак, на задачу «Научно-популярной библиотеки» мы смотрим весьма серьезно» (курсив оригинала. – А.В.).

Санкт-Петербург ответил «Научно-популярной библиотекой для народа» в 40 томах, выходившей в 1895–1905 годах. Одна из лучших отечественных дореволюционных естественнонаучных популярных серий. Автор всех ее выпусков – В.В. Лункевич. Книги отличались высоким научным уровнем, хорошим литературным стилем и пользовались огромной популярностью. Серия неоднократно переиздавалась и до революции, и в советское время.

Надо сказать, что развитию такой сериальности в издании научно-популярной литературы в огромной мере поспособствовала деятельность известного российского издателя Петра Петровича Сойкина (1862–1938). В 1889 году он, вдвоем с тогда еще студентом, а впоследствии – крупным советским медиком Викториним Сергеевичем Груздевым, начал выпускать «популярно-научный» журнал «Природа и люди». Издание мгновенно стало одним из самых популярных в России: первые номера пришлось допечатывать вторыми и даже третьими тиражами. Сам журнал состоял из пяти основных отделов: историко-биографический, романов, повестей и рассказов, географо-этнографический, научный и отдел текущих известий.

Но не меньшую известность еженедельнику «Природа и люди» принесли приложения – естественнонаучные серии. Вот лишь некоторые, наиболее известные из них: «Полезная библиотека» (35 книг) – 1894–1904 годы; «Народный университет» (12 книг) – 1901–1902 годы; «Библиотека для самообразования» (8 книг) – 1903 год; «Народная библиотека» (21 книга) – 1903–1904 годы; «Общедоступная философия» (12 книг) – 1900–1904 годы; «Научная библиотека» (11 книг) – 1898–1902 годы; «Библиотека знания» (34 книги) – 1913–1917 годы; «Народы мира» (12 книг) – 1916 год; журнал «Знание для всех» (12 номеров в год) – 1913–1917 годы.³⁰

Таким образом, по существу, уже в начале XX века был найден очень эффективный маркетинговый ход – выпуск научно-популярной, естественнонаучной и научно-фантастической

²⁸ Рубакин Н. А. Указ. соч., с. 48.

²⁹ Маракуев Н. Н. Ньютон, его жизнь и труды. – М.: ТипоЛитография И. Н. Кушнерева и К°, 1885. 92 с. + (Галилей, его жизнь и ученые труды. 176 с.), конвюлют. (Сер. «Научно-популярная библиотека».)

³⁰ Белов С. В., Толстяков А. П. Русские издатели конца XIX – начала XX века. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1976. (Сер. «История нашей Родины».) С. 97.

литературы сериями. Возможно, именно на этом примере человечество в массовом порядке впервые столкнулось с феноменом *сериального мышления*. Ведь издатели научпопа фактически уже на самых первых стадиях его развития и формирования как самостоятельного жанра эксплуатировали еще и до сих пор плохо изученный психофизиологический и социальный феномен – коллекционирование (серийное потребление). Кстати, в некоторых современных экономических теориях коллекционирование рассматривается как некая парадигма потребления. «Страсть к коллекционированию, похоже, лежит глубоко в истоках поведения потребителей, за гранью рационального и полезного, и так часто имеет склонность к неограниченности и излишеству... Можно утверждать, что коллекционирование – это яркий пример особого поведения потребителей», – отмечает профессор экономики Университета города Кассино Марина Бьянчи.³¹

* * *

Как бы там ни было, но на первую полноценную научно-популярную серию, в которой вышла книга Н.Н. Маракуева «Ньютон, его жизнь и труды», обратил внимание и Н.А. Рубакин. Он поминает Маракуева, правда, не очень добрым словом: «Выпустила кое-какие недурные популярно-научные книжки хотя и одушевленная добрыми намерениями, но бестолковая фирма Маракуева и Прянишникова (в Москве)...»³² Не знаю уж, за что Николай Александрович маракуевскую фирму припечатывает эпитетом «бестолковая» (Николай Николаевич Маракуев (1847–1910) – автор лучшего дореволюционного курса алгебры – «Систематический курс элементарной алгебры», изданного впервые в 1896 году в двух томах), но и сегодня «Ньютон, его жизнь и труды» прочитывается, что называется, на одном дыхании – едва ли не эталон научной строгости и доступности изложения. Не случайно эта книжка выдержала четыре издания.

Интересно, что сам Николай Александрович Рубакин – даром что книговед – был еще и очень известным и плодовитым автором научно-популярных книжек: они были изданы на 28 языках! Увы, насколько это был талантливый библиограф и исследователь книжной культуры, настолько же весьма средней руки популяризатор научных знаний. «Основной и неизлечимый порок большей части его писаний кроется в фальшивом подходе к самой задаче популяризатора, – отмечал в рецензии в 1920 году на переиздание нескольких научно-популярных книжек Рубакина некто, скрывшийся под псевдонимом Перископ. – Прежде всего непозволителен и неуместен усвоенный автором в большинстве брошюр вульгарный тон <...> Рассказ Рубакина, например, об открытии Нептуна, право, не слишком разнится от <...> пародии:

“...Вот Леверрье и давай высчитывать, не смотря на небо, по одним цифрам, где должно находиться на небе в это самое время это неизвестное никому светило. Высчитывал-высчитывал – и нашел, и высчитал, и объявил об этом по всему свету”... («Рассказы о подвигах человеческого ума»). <...> Балагурство и аляповатая подделка под народный язык всегда звучали фальшиво в популярно-научной книжке. <...>

Начитавшись его брошюр, читатель будет знать больше, чем знают сами ученые, потому что Рубакин не считает нужным делать какое-либо различие между фактами и гипотезами. У него нет никаких сомнений насчет физического состояния поверхности Юпитера («Подземный огонь») – вопроса, по поводу которого астрономы высказываются лишь гадательно. Давно уже был ему известен род теплового движения частиц твердого тела («Дедушка-время») – хотя физика только сейчас осторожно подходит к этому предмету. <...>

³¹ Бьянчи М. Коллекционирование как парадигма потребления// Сб. Экономика современной культуры и творчество/ Пер. с англ. – М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», 2006. С. 117–130.

³² Рубакин Н. А. Указ. соч., с. 49.

Из дюжины недавно переизданных книжек Рубакина³³ более или менее свободны от указанных недостатков только брошюры чисто географического содержания с преобладанием описательного и бытового элемента («Самые дикие люди на Земле», «На плавающих льдинах», «Вода на земле, под землей и над землей»). Остальные же, при всей остроте нашего книжного голода³⁴, могли бы быть использованы разве лишь в качестве сырого материала для сведущего лектора, но отнюдь не как книжки для самостоятельного чтения масс». ³⁵

Мало того, достается Рубакину не только от анонимного Перископа, но и от вполне узнаваемого, хотя тоже скрывающегося за инициалами «Я.П.» легендарного, уже советского, популяризатора науки Якова Перельмана: «Некоторые авторы, сами плохо владея предметом, стремятся дать читателю лишь поверхностные обрывки знаний, выдавая их за «последние слова» науки. Таковы на три четверти произведения Рубакина». ³⁶

Однако, возможно, Перельман отчасти несправедлив к книжкам Рубакина: на его выводах сказывается как раз тот факт, что и до сих пор отсутствует более или менее полно разработанное описание жанров научно-популярной литературы. Сам Яков Исидорович – создатель жанра «занимательная наука»; с этими критериями он и подходит к текстам Рубакина. Хотя очевидно, что Николай Александрович писал свои «брошюры» в жанре, если можно так сказать, научно-популярного лубка, то есть для читателей начального уровня подготовки, даже малограмотных. «Надо заметить, что его читаемость превышает значительно читаемость даже беллетристов, – отмечалось в статье «Какие авторы научной литературы пользуются успехом у читателя-рабочего», напечатанной в журнале «Красный Библиотекарь» в 1925 году. – Рубакина читают и пожилые, и молодые, и мужчины, и женщины. Особенное впечатление он производит на малоразвитых начинающих читателей, они прочитывают некоторые его книги по нескольку раз». ³⁷

По иронии судьбы Рубакин как раз на протяжении всей своей книговедческой исследовательской деятельности выступал принципиальным противником каких-то особых «книг для народа», с особым содержанием. Его знаменитый афоризм на этот счет звучал так: «Народу нужны не народные книги, а дешевые, потому что он бедняк, а не дурак». ³⁸ «Народная литература как особое понятие стала синонимом литературы лубочной, – отмечал в 1916 году известный деятель русского просвещения В.И. Сыромятников. – «Народная литература» представляла из себя или обыкновенный, или интеллигентский лубок, то есть книгу, специально изготовленную для народа». ³⁹ Но в истории литературы Н.А. Рубакин так и остался создателем жанра «народных научно-популярных книжек». ⁴⁰

³³ Если быть точным, то в 1919–1920 годах Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов переиздал 22 научно-популярные книги Рубакина. Общий тираж этих изданий составил фантастическую даже по современным меркам величину – 1 420 000 экземпляров. Хотя полиграфическое исполнение этих книг было очень слабое, раскупались они моментально. С 1923 по 1928 год советскими издательствами было переиздано еще 23 научно-популярные книги Рубакина общим тиражом 166 тысяч экземпляров, а кроме того, было ввезено в СССР пять книжек Рубакина по естествознанию, изданных за границей тиражом 49 тысяч экземпляров. (См.: Рубакин А. Н. Рубакин (Лопман книжного моря) – М.: Молодая гвардия, 1967. («Жизнь замечательных людей». Вып. 9 (437).)

³⁴ В сентябре 1919 года провинция делала заявки на книги на 7433,6 тысячи рублей; получила же в итоге на 458,5 тысячи. (См.: Книга и культура/ Сб. материалов Третьей Всесоюзной научной конференции по проблемам книговедения «60 лет советской книги». – М.: Наука, 1979. С. 151.)

³⁵ Перископ. Популяризация или вульгаризация. (О народных книжках Н. А. Рубакина)/ Книга и революция, № 3–4, сентябрь–октябрь, 1920. С. 69–72.

³⁶ Я.П. Рецензии. Естественные науки/ Книга и революция, № 6, декабрь, 1920. С. 50.

³⁷ Какие авторы научной литературы пользуются успехом у читателя-рабочего/ Красный Библиотекарь, 1925, № 4. (Цит. по: Рубакин А. Н. Указ. соч., с. 7.)

³⁸ Рубакин А. Н. Указ. соч., с. 21.

³⁹ Рубакин А. Н. Указ. соч., с. 25.

⁴⁰ Рубакин А. Н. Указ. соч., с. 101.

Вот кредо самого Н.А. Рубакина: «Нет самой сложной научной истины, которую нельзя было бы объяснить, сделать понятной для самого малограмотного, самого неподготовленного читателя».⁴¹ Свой творческий метод он вполне отчетливо сформулировал в книге «Среди тайн и чудес»: «В этой книжке было рассказано о том, что считалось и считается чудом у людей разных стран и времен. Чудом называется вмешательство каких-либо сверхъестественных и таинственных сил в жизнь природы или в человеческую жизнь <...>. В книжке было рассказано, в чем именно видят обыкновенно люди такое вмешательство. Иногда они его видят вокруг себя, в природе. А иногда чудеса, по их мнению, совершаются человеком или в человеке.

Как же узнать с точностью и достоверностью, чудо или не чудо то, что таким считается? <...> Настоящее объяснение заключается вот в чем: надо показать с точностью и достоверностью, как и при каких обстоятельствах совершается то, что называется чудом. Надо разобрать все его подробности. Надо отделить главное обстоятельство от неглавных, существенное от несущественных. Только благодаря этому будет видно, почему произошло чудо.

Но и этого мало, чтобы объяснить его. Нужно, чтобы были еще понятны и все обстоятельства, которые его вызывают. А у них тоже есть свои обстоятельства, которые произвели и их. А у этих обстоятельств, в свою очередь, есть свои причины. Нужно, чтобы были понятны и они, и так далее – чем дальше сумеешь разобрать и понять такую цепь обстоятельств, причин и следствий, тем лучше: значит, тем прочнее будет стоять объяснение. <...>

В этой книжке было показано, что чудеса существуют только для тех, кто в них верит. Но к чему же приводит такая вера? К тому, что неправда считается за правду, и то, что кажется, считается за то, что есть; фантазия, прикрасы, выдумки – за действительность. <...>

Во всяком случае, нужно помнить одно: все то, что кажется и считается чудом, необходимо исследовать, как и всякое другое явление. А при таком исследовании нужно прежде всего добиваться истины – полной, точной, достоверной и беспристрастной. А главное – истины неопровержимой».⁴²

Все очень правильно, очень пафосно и... очень банально. Так что перельмановские инвективы в адрес сочинений Н.А. Рубакина небезосновательны. Впрочем, сын Рубакина, Александр Николаевич, как раз отмеченные «шероховатости» стиля относит к достижениям своего отца: «Рубакин выработал свой необыкновенно простой и ясный язык, с многочисленными повторениями и вопросами. Некоторым он казался однообразным, бедным. Однако на деле огромная сила популяризации в произведениях Рубакина заключалась в том, что самые сложные вопросы науки в его изложении оказывались доступными понимаю даже совсем малограмотного человека».⁴³

⁴¹ Рубакин А. Н. Указ. соч., с. 27.

⁴² Рубакин Н. А. Среди тайн и чудес (с рисунками). – Петроград: Издательство Союза коммун Северной области, 1919. С. 155–156. Эта книжка Рубакина после первого же издания подверглась жесткой обструкции. Так, в 1913 году в изданной «Союзом Михаила Архангела» книге «Школьная подготовка второй русской революции» статья, посвященная Рубакину, заканчивалась словами: «Рубакин – чистейший безбожник и анархист. Это, конечно, его дело. Но каким образом его книга “Среди тайн и чудес”, составленная для детей школьного возраста, разрешена к печати и распространению?».

⁴³ Рубакин А. Н. Указ. соч., с. 31.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.